

ГЕОРГИЙ ДЕРЛУГЬЯН

Рассказ о двух городах¹

Как и всякое сказание, история эта имеет долгую предысторию, которая начинается, естественно, в Мозамбике. Чтобы позволить себе сделать первую выплату за дом в Чикаго, сначала я вынужден был продать свою четырехкомнатную квартиру в Москве. Это потрясающее жилище во всех смыслах досталось дорогой ценой. Однако у нас никогда не было возможности пожить в нем. Итак,

Часть первая — Моя московская квартира

Известно, что наше пребывание в Африке оплачивалось довольно щедро. Пятнадцать-двадцать средних зарплат в СССР. Вернувшись в Москву в 1985 году, я обнаружил, что жизнь в ней оставалась пугающе нормальной. После Тете потребовались месяцы, чтобы спать спокойным сном в кровати на простынях и без оружия, или запросто пить воду из-под крана. Каждым угрюмым московским утром мне пришлось бы садиться в одно и то же переполненное метро и ехать в университет, где знакомые бабушки-гардеробщицы даже не заметили бы, что меня не было целый год. «Вы болели?» — спросили бы они с сочувствием, беря мою парку и меховую шапку, — «Я не видела вас на прошлой неделе». Между тем, я стал невероятно богатым студентом. Я мог купить самый дорогой из имевшихся автомобилей (Волга-31) за наличные, и все равно осталось бы достаточно денег, чтобы купить подарки всем родственникам. Но зачем покупать машину? Я по-прежнему жил в университетском общежитии, по четыре парня в комнате. Вместо этого мы ящиками ели деликатесы. Москва снабжалась значительно лучше остальной страны. Мы наслаждались советским гаргантюализмом: чешское пиво, венгерские утята, румынская салями, болгарские фрукты, югославские паштеты, финские сыры, кипрские соки, иракские финики, алжирские красные вина, кубинские сигары, португальские сардины, маслины или портвейн.

Я жил в общежитиях Московского государственного университета уже пять лет с тех пор, как мне исполнилось шестнадцать. Мир принадлежал нам. Но мы готовились получить дипломы и уехать. (Спустя пять лет некоторые товарищи по комнате стали ведущими фигурами постсоветской политики —

¹ Georgi Derlugian, «A Tale of Two Cities (The Adventures of in Globalization)», *New Left Review*, 3 (May–June) 2000, pp. 47–71.

либо полевыми командирами в Таджикистане, Карабахе, Ингушетии или Приднестровье, либо более миролюбивыми парламентариями; или даже отдаленных стран, наподобие Эритреи, Палестины и Ливана). После хронической переполненности общежитий мысль о том, что я мог позволить себе целую кооперативную квартиру, по мере приближения дня выпуска из университета казалась все более поразительной. Но, как мне тут же сообщила доброжелательная дама из Банка для внешней торговли, на самом деле купить квартиру я не мог, потому что у меня не было московской прописки.

В обычной советской манере я испробовал несколько способов обойти это глупое правило, пока не столкнулся с особенно раздражительным стариком из общественной приемной Моссовета. Он походил на один из ходячих скелетов из фильмов Стивена Спилберга. Одетый в поношенный двубортный костюм по моде 1930-х годов с крошечной позолоченной булавкой с красной головкой на лацкане, он встал и, слегка покачнувшись, заорал во весь голос: «Товарищ — или мне называть вас господином? — Дерлугьян, в Москве полным-полно таких же богатых людей, как и вы, но если мы позволим всем им покупать особняки на улице Горького, что станет с нашими социалистическими ценностями?» Как только я собрался уйти, он прошипел: «Знаете, в 1938 я таких, как вы, обычно расстреливал». Итак, я пострадал от синдрома своих же ветеранов. Стоя в дверях, я ответил, что неизвестно, кто кого расстрелял бы первым, и кто получил бы от этого большее удовольствие... Он обещал сообщить обо мне, куда следует.

Все имевшиеся законные каналы теперь были исчерпаны, а обойти закон у меня не было никакой возможности. В этот момент, как говорят ученые, произошло чудо. А оно всегда было неотъемлемой частью российской действительности. Когда я вернулся в Мозамбик годом позже, меня назначили переводчиком при неприметном человеке с обычной фамилией Вороненко. Он приехал для того, чтобы прочесть месячный курс о городском планировании и заработать свои законные валютные рубли. И все же он, в отличие от большинства остальных советских специалистов, не гонялся за японской электроникой. У Вороненко обнаружилась страсть к коллекционированию макондских скульптур из черного дерева. Когда он выяснил, что, помимо свободного владения португальским, у меня есть еще диплом по африканистике, наши профессиональные отношения переросли в дни неторопливых бесед под деревом манго об истории Мозамбика, африканской мифологии и всем остальном. В конечном итоге, разговор пришел к неизбежному вопросу о большом богатстве, дожидаящемся меня в Банке для внешней торговли.

Пока его основная задача заключалась в том, чтобы помочь мне отъесться после года недоедания в Верхней Замбези, когда я вернул себе 48 килограмм. Оно также заставило мою мать относиться ко мне более серьезно. Несколько лет она всем в нашем городе стыдливо говорила, что я изучал в Москве язык, называвшийся «хауса» (она произносила «хаоса»). Будучи весьма решительной женщиной из казацкой станицы на родине Горбачева, она, когда я учился на втором курсе, приехала в Москву и попыталась подкупить весь деканат, чтобы меня отправили домой или просто отчислили. Она всегда хотела, чтобы я занимался чем-то практичным, стал партийным секретарем или гинекологом. Так вот, когда я вернулся после первой поездки в Мозамбик, я попросил выдать мне половину моей последней месячной зарплаты наличными — 1813 специ-

альных рублей, которые можно было использовать для покупок в валютных магазинах (на черном рынке они стоили вдвое дороже обычных рублей). Для сравнения – мой отец зарабатывал 250 обычных рублей в месяц, будучи руководителем предприятия, а пенсия по инвалидности моей матери составляла 58 рублей в месяц. Для усиления пропагандистского эффекта я попросил выдать причитающуюся мне сумму мелкими купюрами, получив в результате несколько чистеньких толстых пачек в банковских обертках, которыми я затем заполнил каждый из многочисленных экзотических карманов своих португальских камуфляжных штанов. Напомню, мне было только двадцать три года, и я даже не получил диплом. Когда моя мама увидела, как я вынимаю пачки наличных из невообразимых глубин своей униформы, она впервые признала, что у меня, возможно, были причины не становиться гинекологом. Но она по-прежнему была страшно недовольна, что я вернулся слишком худым.

В Тете я рассказал Вороненко о живом трупe, с которым я столкнулся в Моссовете. Он понимающе кивнул, написал свой телефонный номер на пачке сигарет и велел мне позвонить ему, когда я вернусь в Москву. В течение последующих семи месяцев или около того я время от времени задавался вопросом, кем бы он мог быть. Хотя он читал скромный курс о планировании, носил сандалии и шорты, безропотно сидел в красной пыли вместе с африканскими резчиками по дереву и увлекался плетением корзин, я всегда замечал, как ему пытались угодить, когда он слушал кого-то или вел с ним беседу или когда обычно холодные дипломаты из посольства с готовностью его обслуживали. Одно то обстоятельство, что он мог всерьез увлекаться африканским искусством и мифологией, навело меня на мысли о его близости к высшим слоям номенклатуры.

В кабинете товарища Вороненко

Итак, вернувшись в очередной раз назад в Москву, однажды вечером я позвонил по его номеру. Его жена узнала мою фамилию: «О, вы, должно быть, студент-африканист из Мозамбика, не так ли? Позвоните ему на работу». Было почти десять вечера, а он все еще сидел за столом: еще один признак того, что он был функционером высшего ранга. Секретарша, которая ответила на звонок, вовсе не принадлежала к типу тех, что пользовались покровительством комсомольских вожаков или, позднее, новых русских банкиров: щебечущих сексуальных кокеток. Голосом, похожим на голос строгой учительницы, она бесстрастно сказала мне: «Одну минуту, пожалуйста. Что я должна сказать о вашей организационной принадлежности?» Здесь она застала меня врасплох, и я сумел лишь вымолвить: «Моей принадлежности? Институт всеобщей истории, Академия наук». Мне показалось, я уловил слабое фырканье. Через минуту она переключилась ко мне и с некоторым удивлением сказала: «Товарищ Вороненко встретится с вами завтра в 11.40. На ваше имя будет заказан пропуск у второго подъезда». Теперь я достаточно пришел в себя, чтобы спросить: «Простите, не могли бы вы объяснить мне, где находится этот второй подъезд, и, кстати, какой пост занимает товарищ Вороненко?» У нее явно отвисла челюсть. Через секунду она заорала на меня: «Молодой человек! Глава аппарата Московского городского совета пред-

ложил вам незапланированную встречу в свое личное время завтра утром, а вы говорите мне, что не знаете, с кем будете встречаться?»

Все остальное было проще простого. Здание, где располагался Моссовет, представляло собой типичный дворец генерал-губернатора девятнадцатого века, который разросся во времена Сталина до такой степени, что стал напоминать конструктивистскую фабричную коробку с неоклассическими колоннами спереди. (Здание вновь было перестроено в 1990-х, когда ему добавили башню торгового пассажа из цветного стекла, возвышающуюся над остальным зданием). Внутри загадочное место состояло из бесконечных застеленных красными ковровыми дорожками коридоров и очень высоких, плотно закрывавшихся одинаковых дверей. Серьезные люди в серых костюмах с толстыми портфелями на коленях терпеливо ждали своей очереди в приемной Вороненко. Они с любопытством осмотрели мою бородатую наружность. Секретарша (по-видимому, другая) пригласила меня в огромный кабинет с предсказуемой монументальной сталинской мебелью, массивными темно-красными шторами на окнах и множеством разноцветных телефонов различного размера на специальной подставке слева от стола из красного дерева. Мы сели в глубокие кожаные кресла в углу и в течение получаса болтали о Мозамбике и плетении корзин. Я не напоминал ему о своих проблемах. В конце беседы, провожая меня к двери, он просто предложил, чтобы я отправил ему официальную жалобу: «Как избранный представитель городского совета я ведь должен реагировать на жалобы народа о бездушных бюрократах, не так ли?»

К этому времени я женился. Мать Любы была ветераном Сталинграда и мастером писать жалобы. Она села за кухонный стол, прогнала нас и написала в школьной тетрадке целую историю о немецких танках, остановленных в 1942 году в нескольких метрах от развалин дома, в котором она жила, переправке раненых солдат и боеприпасов через Волгу по горящей нефти и последующей жизни — в течение двенадцати послевоенных лет — в старых траншеях, бараках и железнодорожных вагонах, пока в 1958 году ей не удалось получить маленькую хрущевку. Должно быть, это был убедительный документ, но моя теща не позволила нам его прочесть. Затем я написал собственное краткое и, я надеялся, юридически грамотное объяснение случившегося и отослал письмо.

Неделю спустя очень вежливый молодой человек позвонил и сказал, что «вопрос» был «рассмотрен» и, учитывая обстоятельства моего «благородного интернационалистского долга» и «особую необходимость в исследовательской работе на дому», «решен положительно». Не нужно было никуда ходить. Они бы с удовольствием все сделали сами. Я был помещен вторым в список очередников на четырехкомнатные квартиры во всей Москве. Мне нужно было только перечислить необходимую сумму на счет строительной организации, а затем пойти в нее и указать, где именно я хотел бы жить.

В конторе строительной организации, специализировавшейся на строительстве за валютные средства, рядом со мной сидел пожилой еврей, который, увидев, что я читаю португальскую газету, спросил с заметным кастильским акцентом, не поупражняюсь ли я с ним в испанском, пока мы сидим в очереди. Окончив в 1937 году минскую среднюю школу, он был отобран как способный к языкам доброволец для специальный войск НКВД и прошел интенсивный курс испанского языка, прыжков с парашютом и взрывного дела.

Но к тому времени, как он достиг Пиренеев, Испанская республика уже пала. С огромными трудностями, спасаясь от французской полиции и нацистских спецслужб, он вернулся через всю Европу в СССР и сразу же был помещен в тюрьму по подозрению в шпионаже в пользу Гестапо, потому что многие другие так и не вернулись.

Я слышал такие истории. Однажды, будучи еще подростком, я не без некоторого удивления нашел старую фотографию дяди моего отца Льва, одетого в черную униформу офицера СС. Они почти никогда не говорили о прошлом нашей семьи. Слишком много трагедий. Дядя Лев, как я узнал от него позднее, был заброшен в Польшу в июне 1941 года. Ему понадобилось три месяца бродить по лесам со своим радистом, чтобы догнать отступающую Красную Армию. Где-то около Брест-Литовска они устроили засаду и задушили мотоциклетский патруль СС. Они открыли сарай, в который зондеркоманда СС бросала тех, кого собирались казнить. Дядя Лев любил вспоминать триумфальный момент, когда он, одетый в немецкую форму, освобождал людей, многие из которых были совсем юными, и велел им на своем корявом идише и польском скрываться в лесу. Затем он пришел в деревню и попросил еды. Когда он, еще одетый в то, что осталось от эсэсовской униформы, добрался до советских окопов (пока пьяный красноармейский офицер отошел помочиться, дядя Лев переплыл реку), ему едва удалось избежать казни на месте, поскольку он был принят за немецкого шпиона. В 1945 году он встретил в Берлине того самого офицера, который однажды чуть было не расстрелял его, и они здорово напились. Много лет спустя он узнал, что на сельском кладбище в Польше был установлен небольшой памятник убитым эсэсовцами крестьянам. На мемориальной доске упоминались двое неизвестных советских солдат.

Какое-то время мы упражнялись в испанском, а затем мой товарищ печально поведал мне, что его внук эмигрировал и стал в Израиле преуспевающим бизнесменом. Он послал своему дедушке денег, чтобы тот купил себе машину и квартиру в Москве, потому что старик отказался уехать в Израиль: «Конечно, у многострадального еврейского народа должно быть право строить свою Родину, но почему нужно состоять на службе наиболее агрессивных кругов американского империализма? Почему Израиль не может быть миролюбивой советской республикой?»

Оказалось, что стройплощадка находилась на улице Академика Королева, рядом с летним дворцом восемнадцатого века и парком графа Шереметьева на той стороне пруда около останкинской телебашни. Поистине прекрасное место. 3 октября 1993 года, когда националистические и некоммунистические участники восстания против Ельцина попытались захватить телецентр, в соседних зданиях погасли все окна. Но это произошло позднее, а мы так и не получили здесь квартиру. Между тем, шло время. Горбачев пал. Советский Союз прекратил свое существование. Я не знаю, где теперь мой покровитель Вороненко. Года два я старался не думать о том, что случилось с моим драгоценным счетом в Банке для внешней торговли СССР, который после августовского переворота 1991 года, как сообщалось в прессе, оказался опустошен и разграблен. Что, должен признать, не так уж неправдоподобно. Банки редко остаются целыми после революционных переворотов. К этому времени мы — еще одно странное чудо — жили с двумя детьми в Бидгемтоне, штат Нью-Йорк,

и для разнообразия были отчаянно бедны. Но, поскольку таковы обычные последствия революций, причин жаловаться у нас не было.

Однако, несмотря на все эти захватывающие преобразования в Москве, бюрократические шестеренки продолжали размеренно крутиться. В конце 1993 года один человек позвонил моей теще якобы от имени обанкроченной и больше не существующей советской организации, торговавшей за валюту, с романтичным названием «Березка – Услуги». Он живо потребовал перечисления еще трех миллионов рублей из-за «роста цен на стройматериалы вследствие гиперинфляции». Я не следил за российской инфляцией и понятия не имел, сколько это могло быть. Как оказалось, несколько тысяч долларов, которые нам никак не удавалось найти, – мы существовали на стипендию в размере 7800 долларов в год. Ничего не говоря нам, мой отец с записной книжкой в руке обзвонил соседей, родственников и друзей в Краснодаре (в южных провинциальных городах взаимопомощь распространена очень широко) и собрал необходимую сумму наличными. Конечно, без всяких процентов и формальных гарантий, за исключением доброго имени семьи. Затем моя мать пришла к его одежде потайной кармашек, одела его чересчур тепло для московской зимы и отправила поездом за тысячу километров на север через недавно созданную таможню независимой Украины.

Я посещаю свою новую квартиру

Все шло прекрасно до последней минуты. Деньги были заплачены, необходимые бумаги и ключи получены, и хотя оказалось, что квартира располагалась не там, где мы рассчитывали, по крайней мере, построена она была сносно. Несмотря на мелкие трещины и обычную чудовищную сантехнику, жить в ней можно было прямо сразу. К концу долгого дня папа настолько промерз и устал от Москвы, что утратил свое обычное самообладание. Но, в соответствии с новым духом времени, он все еще чувствовал себя предпринимателем и капиталистом. На его взгляд, квартира теперь должна была окупиться сама, поэтому он и сдал ее первому встречному «бизнесмену». Парню едва исполнилось двадцать, он пришел из армии и занимался тем, что продавал конфеты, пиво и водку в стальном ларьке у входа в метро. Он фактически жил в этом ларьке, а на витрину вывесил объявление: «Сниму квартиру за хорошие деньги».

Молодой бизнесмен, конечно же, так никогда и не заплатил за съем. Он сам жил на заемные деньги в надежде скоро разбогатеть. Вместо этого он вынужден был скрываться от кредиторов, которые наняли бандитов или сами ими были. Поэтому он и не впустил меня в квартиру, когда я приехал в Москву в июне следующего года. Естественно, после всех этих приключений я хотел увидеть свою невероятную квартиру площадью 101,2 кв. м. Я совершил несколько долгих поездок на продуваемую со всех сторон сильными ветрами стройплощадку, которая располагалась в Жулебино, за пределами МКАД, напоминавшую гигантскую хаотичную грудку сине-белых кубиков детского конструктора «Лего», брошенных посреди запутанных рельсов и бывших картофельных полей. И все это только для того, чтобы уткнуться носом в запертую дверь собственной квартиры и слушать пьяный гвалт за ней.

Оказавшись в безвыходном положении, я решил, по крайней мере, познакомиться со своими новыми соседями. Первая дверь открылась до того, как я нажал на кнопку звонка. Женщина все это время следила за мной через глазок. Ей было за сорок, одета она была в слегка рваный халат и оказалась ужасно болтливой. Не переставая болтать, она затащила меня на кухню и стала потчевать болгарским бренди, соленым огурцом и остатками пирога. Затем она стала выпытывать, на самом ли деле я работал в Америке. Ее муж, в пижаме и тапочках, хмуро сидел в углу, читая «Завтра», ведущую шовинистическую газету России, делая вид, что не слушает. Мельком я заметил на вешалке в коридоре форму полковника ВВС. С самого начала Наталья Ивановна сказала мне, чтобы я не обращал внимания на ее мужа: «Ах, не смотрите на него. Иван скоро уйдет в отставку, а пенсии у военных теперь не те, что прежде. Дорогой Георгий Матвеевич, если бы вы только знали, до какой нищеты довели Россию-матушку эти макроэкономисты! Жизнь такая трудная — у молодежи нет никаких перспектив. Возьмем мою девятнадцатилетнюю дочь и, скажу вам без хвастовства, весьма привлекательную, если вы понимаете, что я имею в виду? Скоро нам понадобится муж для нее, лучше, конечно, американец. Когда я была в ее возрасте, мы, девушки, любили курсантов. Но то было тогда. Сегодня жизнь изменилась, кому нужен кто-то вроде моего Ивана? Пожалуйста, я прошу вас как мать, подыщите мне хорошего американского паренька. Что вам стоит? Об остальном мы позаботимся сами».

Дверью другого соседа была стальная плита, подходившая для бомбоубежища, только с другим замком. Представившись и побеседовав через эту железную стену, я был приглашен на чай. Квартиру наполнила приторная музыка из индийского кино. Хозяин квартиры был одет в поддельный спортивный костюм «Адидас», смугл и давно небрит. Широко улыбаясь и демонстрируя множество золотых зубов, он сказал с азербайджанским акцентом, столь же сильным и мелодичным, как турецкое обаяние: «Я вижу, ты армянин, поэтому хочу тебе сказать, что эта карабахская-марабахская война-майна вообще меня не касается! Я мирный пекарь кавказских чуреков, а моя жена — русская с ивановской хлопкопрядильной фабрики. Я не имею дела с политикой!» Али, конечно же, был азербайджанским торговцем из далекой горной деревни в Закатальском районе, известном своими грецкими орехами. Он долго угощал меня чаем с халвой и по секрету сообщил мне, что мой арендатор — опасный человек. Очень молодой, безрассудный, к тому же, к нему все время ходит плохая компания. За кожзаменителем на моей двери он установил пуленепробиваемые пластины (в действительности, с обеих сторон, как я обнаружил впоследствии) и держал большую собаку. Очень опасный! Все выглядело так, будто самому моему съемщику грозила опасность.

Начали звонить мои однокурсники, предлагая свою помощь. В большинстве своем они были бывшими студентами-историками и философами, которые когда-то принадлежали к нашему кавказскому кругу в общежитии: неформальному сообществу, объединенному чистой ностальгией, домашними грузинскими винами, армянскими коньяками, азербайджанской икрой и остальной едой и фруктами, присланными нам из дома. На минуту я представил себе роскошную сцену, достойную этнической комедии советской эпохи — армянин приезжает в Москву, чтобы выселить русского съемщика, с гроз-

ной бандой, состоявшей из чеченца, двоих азербайджанцев, татарина, выросшего в детском доме в грузинском селе, и езида (езиды говорят на диалекте курдского языка и принадлежат к остаткам мистической секты манихейского происхождения, из-за чего несведущие люди считают их поклоняющимися дьяволу). У большинства из них были докторские степени: например, Юсуп, татарин из Грузии, был нашим лучшим специалистом по Люксембург и Грамши. Тем не менее, многим русским мы часто казались угрожающими, и, признаюсь, иногда мы использовали такой образ для студенческих розыгрышей. Набег этой толпой мог бы стать прекрасной демонстрацией регионального интернационализма, но я сумел решить вопрос менее драматично и с удивительно учтивой помощью местного отделения милиции, куда я сначала пошел поставить штамп в свой паспорт.

Дежурный майор спросил, не мог бы я сдать квартиру надежному человеку, которого он лично бы и порекомендовал; состоятельного банкира, между прочим. Я рад был сделать одолжение; он попросил меня заполнить форму, вызвал слесаря — и через час я, наконец, увидел свою квартиру изнутри. Серые обои были убого наклеены прямо на голый бетон, ванная комната была покрашена половой краской, а из нескольких розеток торчали провода. Но кто ожидал чего-то другого? Оказалось, что надежный банкир милиционера был татуированным головорезом с карманами, набитыми стодолларовыми банкнотами, и пистолетом ТТ, который было видно, когда он почесывал свои подмышки. Я в шутку заметил, что, когда мы учились, нам велели избегать пистолетов вообще, а больших ТТ в частности. Он был не слишком легковверен, но все же любопытствовал: «И что же вам советовали носить в этой вашей школе?» Явно опасаясь своего нового съемщика, но пытаясь произвести на него достойное впечатление, я ответил: «Сначала они велели нам избегать неприятностей, а если этого сделать не удастся, носить с собой пару ручных гранат. Пистолеты создают ложное ощущение того, что ты вооружен. Гранаты намного звучней, внушают больший страх, их можно по-разному использовать, и они надежны». Комментарий оказался пророческим. Через два месяца он исчез, говорят, его убили. Вскоре после этого я убедил своих родственников, что квартиру лучше продать.

Я посещаю ведомство по приватизации

Продажа жилья была лишь немногим менее экзотичной, чем его приобретение или сдача в аренду. Например, однажды я прилетел из Вашингтона в Москву только для того, чтобы узнать, что предполагаемым покупателем была не женщина по имени Наташа, а ее муж, который, как оказалось, был старшим сыном африканского шейха из Тимбукту. Тимбукту! Реальный мир романтичнее, чем предполагают мечтатели. Но старый шейх был болен, его сын имел сыновние обязательства в Мали и потому не сумел достаточно быстро вернуться. Однако в конечном итоге мы нашли нашего покупателя — строителя, имеющего связи с всемогущим мэром Москвы, и получили 75000 долларов, что было хорошей ценой за квартиру такого размера и местоположения. Через восемь месяцев рубль девальвировался бы в четыре раза.

Покупатель предпринял все меры предосторожности. Продажа должна была быть защищена со всех законных и не только законных сторон. Сначала он расплывчато, но настойчиво говорил о своих связях с бандитами на случай, если я его обману. Дабы сохранить взаимность, я намекнул на связи с КГБ. Подходя к делу практично, он потребовал, чтобы я предоставил все возможные документы, чтобы доказать, что я обладаю исключительными правами на эту собственность, включая свежую справку о моем психическом состоянии, для подписания необходимых юридических документов. С этого началась еще одна бюрократическая одиссея.

Сначала, на диком декабрьском морозе я блуждал в поисках районного ведомства по приватизации, где я должен был получить нечто под названием «новая форма о передаче имущества номер шесть». После почти часового блуждания по окрестностям я, наконец, понял, что адрес, который мне дали, принадлежал зданию, которое пара рабочих неспешно разрушала кувалдами. «Приватизация переехала, ее здание приватизировали, и теперь здесь будет казино», — объяснили мне они. В конечном итоге, я нашел — на другом конце города — настоящее ведомство по приватизации. Посетителям необходимо было внести свои фамилии в списки, висящие на приемном окошке.

Последним в списке было имя, поразившее меня как удар молнии: Милорад Божевич Савич! Ошибки быть не могло — два человека в Москве не могли обладать таким сочетанием черногорских имен. Ведь каждый год мы веселились над тем, как старшекурсники разыгрывали наивных первокурсниц, подстрекая их подойти к одному старому монстру с вопросом: «Милорад Божевич, можно вас спросить: у вас сербское имя или хорватское?», на что он выпучивал свои огромные глаза и ревел: «Черногорское!» Ужасный, но все же всеми обожаемый профессор Савич читал марксистско-ленинскую философию не одному поколению специалистов советской Академии Наук с тех пор, как примирение Хрущева с Тито в середине пятидесятых положило конец его активной политической деятельности. Его жизнь была богата событиями. Родившись в известной черногорской семье, он получил хорошее классическое образование в гимназии в Четиныне; сражался в партизанском отряде во время войны; в 1945 году приехал в Москву, чтобы учиться в Академии бронетанковых войск, что было особенно удивительно, учитывая его гигантские размеры (черногорцы — самый высокий народ в Европе, а его рост был выше метра восьмидесяти. Во время семинаров по философии мы часто тихо удивлялись, как эта фигура могла хоть как-то уместиться в танке; но у него был голос, способный перекричать шум его двигателя). Иногда он говорил, что он дважды сидел в тюрьме в Венгрии и пережил показательный процесс в Румынии. Он высмеивал Тито при каждой возможности («Только взгляните на этого новатора в теории! Его последнее достижение — провозгласить ислам в Боснии и Герцеговине национальностью. Какой Аристотель!») и бросал фразы вроде: «Ах, философия Дьердя Лукача, я знаю ее как свои пять пальцев. Я же его критиковал...» Тем не менее, мы любили Савича не только за то, что он был такой яркой личностью. Несмотря на чрезвычайную самоуверенность, он был справедливым, удивительно непочтителен к коммунистическим догматикам и действительно увлечен философией. Я посмотрел всю строчку. Подпись Милорада Божевича отсутствовала. Если бы Савич был здесь, его, конечно, было бы вид-

но или, по крайней мере, слышно. Я постучал в окошко: «Девушка, скажите, пожалуйста, а где тот господин, чья странная фамилия стоит в списке прямо над моей?» Мне ответили, что он умер. «Вопрос о наследстве».

Женщина в местном паспортном столе, куда я пришел, чтобы восстановить свой паспорт, больше была озабочена поливом своих многочисленных растений — кабинет напоминал оранжерею, за которой искусно ухаживали. Глядя в мои документы, она еще раз взглянула на меня и сказала снисходительно: «Зачем вы говорите, что работаете в каком-то университете в США?» «Это ведь больше не считается преступлением, разве не так?» — ответил я. «Боже упаси! Работайте, где вам нравится, если вас возьмут. Вопрос в том, как вы это докажете? Дадут ли американские университеты вам справку с места работы по форме 68?» — «Нет, но они мне доверяют и дадут много других форм». «Кто бы сомневался! Могу только сказать вам, что с такими документами головной боли не оберешься. Так почему бы нам просто не стереть эту запись и просто написать: «Временно безработный?» Нет работы — нет бумаг — нет проблем.

Затем в холодном военкомате я должен был получить свой бланк о постановке на учет. Появился усталый подполковник в шерстяном свитере под формой с моими бумагами в руках и сказал: «Вы знаете, что вас могут повысить в звании? Если вы пройдете месячную переподготовку, то сможете стать майором». Он вздохнул. «Но, догадываюсь, вы, наверное, не захотите». Наконец, в шесть часов вечера 25 декабря 1997 года все бумаги были получены, покупатель стоял рядом со мной, и мы подписывали и нотариально заверяли акт продажи, прождав в очереди пять часов. Это была нелегальная очередь, в которой каждый ожидавший уже дал взятку, чтобы пройти в обход очереди легальной.

Следующая формальность заключалась в том, чтобы достать 75000 долларов, проверить, не фальшивые ли эти новые стодолларовые банкноты (портфель с деньгами был забит почти полностью). А еще раньше — утром — он был убран в сейф для хранения ценностей в банке, что теперь является стандартной процедурой. Сейф был заказан покупателем на мое имя и в моем присутствии, но ключ оставался у него. Заключительный акт состоял в обмене ключа на подписанное соглашение о продаже. Затем с деньгами можно было делать все, что угодно. Кто-то не оставляет их в банке. Местом хранения ценностей было отреставрированное ядерное бомбоубежище, украшенное позолоченными люстрами и металлоискателями на входе. Охраняющие его бывшие офицеры спецназа, вооруженные автоматами и облаченные в бронезилеты, не позволяли находиться в нем более трем лицам одновременно. Остальная часть очереди должна была стоять на улице. Изысканное зрелище. Толпа народа, одетого в дорогие меха и турецкие кожаные пальто, топталась на грязном снегу и нервно сжимала в объятиях пакеты и портфели, заметно распухшие от груди наличности.

В итоге мы разбили машину моего шурина, плутая зимней ночью по центру Москву, пытаясь скрыться от потенциальных преследователей. Но никто нас не преследовал. Нашим намеченным убежищем был кабинет друга, который, как оказалось, находился в штабе избирательной компании генерала Лебеда. В России ничто не обходится без иронии. Штаб Лебеда занимал крыло Академии искусств им. Сурикова, прямо напротив Третьяковской галереи, и патрулировался отставными полковниками десантных войск.

Студенческие картины висели в коридоре рядом с плакатами Лебедея. Лично меня — несомненно, признак дурного вкуса — больше интересовали плакаты. Типичный плакат: генерал изображен в штатском, стреляя с колена из гранатомета, лежащего на плече, и подпись — «ГЕНЕРАЛ, КОТОРЫЙ ОСТАНОВИЛ ДВЕ ВОЙНЫ» (по-видимому, в Молдове и Чечне).

Но, как говорят экономисты, моя квартира была конвертирована в ликвидность, как и многое другое бывшее советское имущество, и теперь могла быть отправлена неизбежно окольным путем через границу. Доверяя только друзьям или друзьям друзей, мы благополучно доставили ее в Чикаго. Здесь начинается:

Часть вторая — Дом в Иллинойсе

Вскоре стало мучительно ясно, что наше небольшое состояние было слишком мало, чтобы купить хоть что-то на огромной территории Чикаго в пределах досягаемости северо-западного университетского городка. После тягостных поисков жилья Люба нашла крошечный одноэтажный кирпичный дом, хозяин которого просил 220000 долларов. Цена казалась чересчур высокой. Мы сделали первое пробное предложение и получили откровенный ответ — хозяин расценил его как оскорбление. Жить в Чикаго — значит быть привязанным к одной из самых ужасных школьных систем в Америке или искать деньги на частную школу. Самым лучшим и благополучным школьным районом был Уилмет, аккуратный зеленый пригород (соотношение бетона и растительности вообще служит надежным показателем социального статуса в Чикаго), а до университетского городка можно было добраться на велосипеде. Разумеется, сочетание безопасности, хороших школ, озеленения и инфраструктуры — это признаки белой верхушки среднего класса, бегущей из города. К концу первой недели в школе мой младший сын, выходя из желтого школьного автобуса, спросил меня, почему оно был более смуглым, чем другие. Я посмотрел на шумную толпу нордически выглядящих детей и сказал: «В следующий раз скажи им, что ты — единственный настоящий белый (Caucasian), родившийся на Кавказе (Caucasus)».

Неделю спустя я ехал на велосипеде вниз по Уилмет-Авеню, как вдруг увидел элегантно одетую женщину, в шелках и с множеством драгоценностей, явно агента по продаже недвижимости, которая забивала молотком в лужайку перед домом табличку «Продается». Вежливо предложив помочь ей, я посмотрел на дом — типичный чикагский одноэтажный дом из желтого кирпича, только намного больше того, что мы пытались купить — и сказал: «Я бы хотел его купить». Она взглянула на меня и сказала: «Вы, должно быть, из Восточной Европы, потому что вам всем нравится кирпич. Знаете что? Вы могли бы попытаться это сделать — осмотрите его». Да, изнутри дом выглядел столь же угнетающе, как будто ты попал в американскую мечту о жилье для среднего класса пятидесятых годов. Выцветшие розовые обои, ковры такого липкого зеленовато-желтого цвета, который русские называют цветом «детской неожиданности», коричневатый потрескавшийся линолеум, скрипучие двери, маленькие окна, покрытые за прошедшие десятилетия не одним слоем краски. В доме было все, что только можно — пыльное распятие с пластмассовыми розами на одной стене, выцветший рыбацкий трофей — на другой, бронзовая

пластина от памятника «Иво Джима», фотография в рамке с парнем в морской униформе, сидящим перед своей невестой, крашеной блондинкой с химической завивкой и голливудской улыбкой. Снаружи был гараж, рассчитанный на два автомобиля, в котором стоял похожий на шаланду универсал Олдсмобиль 1981 года с наклейками на бампере — «Будь американцем — покупай американское» и «Семпер Фи». На заднем дворе стояла гипсовая статуя Святого Франциска, проповедующего голубям, а перед домом — промышленных масштабов флагшток, освещаемый ночью лучом прожектора. Воздух был пропитан спертым запахом сигаретного дыма и дешевого пива.

В общем, владельцы принадлежали к числу богобоязненных патриотов из числа американского рабочего класса. Потомки немецких католических иммигрантов из Трира, во время Первой мировой войны они сменили фамилию со Шнайдер на Снайдер. Дом был построен отцом миссис Снайдер в 1928 году. В 1945 году ее брат вернулся со Второй мировой войны с невестой, и они поставили несколько картонных и фанерных стенок на чердаке, названном «двумя верхними спальнями». Построенные полвека тому назад своими руками комнаты теперь выглядели не более веселыми, чем советские коммуналки (разделенные перегородками квартиры дореволюционной буржуазии, в которых умещалось до десятка советских семей). Поэтому, несмотря на поток посетителей во время осмотра дома в воскресенье, мы оказались единственными претендентами. Мы получили его за всего лишь 229 тысяч долларов. Миссис Снайдер уступила тысячу за ремонт крыши. Я убедил Любу, что мы должны остаться в нашей съемной квартире еще на месяц и сделать кое-какой ремонт перед новосельем. Так все началось.

Самая простая смена кровли, по оценкам алчных агентств по торговле недвижимостью, обошлась бы примерно в пять тысяч долларов. С учетом дополнительных расходов — «весьма желательных» — цена могла возрасти до девяти тысяч. Хорошо, сказал я, но зачем нам делать ремонт старой, когда мы можем построить новую мансардную крышу, которая увеличила бы жилище почти вдвое? Я сел за компьютер и сделал некоторые расчеты. Теоретически, все выглядело впечатляюще. Но я не мог сделать этого самостоятельно.

Сначала мы пошли традиционным американским путем, просмотрев «желтые страницы» и спросив рекомендации у агента по продаже недвижимости. Первым подрядчиком оказался поляк, явно колхозник, вонючее свиноподобное быдло. Он спросил, сколько у меня денег, засмеялся и посоветовал мне с такими деньгами построить сортир во дворе.

Мы знакомимся с Гидеоном

Затем мы обзвонили всех эмигрантов из бывшего Советского Союза. Отыскались три модно одетых молодых литовца. Вели они себя очень профессионально и просили прощения всякий раз, когда один из них, здоровенный детина по имени Сигитас, ругался по-русски. (Позднее я узнал, что он гордо носил черный пояс по карате и почти что завербовался во французский Иностраннный легион). Я понял, что это наши люди, когда старший из этой троицы, двадцатилетний Эгидиус, честно признался, что они никогда не строили настоящего дома, но постараются отработать деньги, которые я мог им предло-

жить. Эгидиус, или — по-английски — Гидеон, олицетворял собой одно из последствий литовской независимости. В 1990 году он закончил среднюю школу и понял, что дотации советской эпохи закончились и он больше не в состоянии позволить себе учебу в вильнюсском архитектурном институте. Поэтому он выехал в США, где нелегально и остался, открыв собственное дело — компанию под названием *Europe Style, Inc.* Но был типичным прибалтом — блондин, задумчивый и ужасно дотошный. Как и большинство литовцев, он относился к польским конкурентам со снисходительной иронией. Все трое были одеты в безупречно чистые белые брюки и футболки с логотипом их фирмы, чтобы подчеркнуть свое отличие от грязных польских подрядчиков.

Работа с Гидеоном имела свое очарование. Однажды мы подготавливали основание крыши для укладки кровельной плитки, и Гидеон любезно предложил мне переделать один из слоев, потому что он отклонился почти на дюйм при длине в двадцать футов. Он показал на крышу соседнего замка яппи (совершенно новый особняк из фальшивого кирпича с фальшивыми башенками и подъездной дорогой, обработанной антигололедными реагентами): «Видишь их крышу? Чтобы произвести впечатление на покупателей, они использовали кедр и медь, такие же дорогие, как и гель, но разница слоев между концами крыши у них составляет по крайней мере шесть дюймов, поэтому стыки не сходятся. Разве ты не видишь, что это небрежная работа?» Говоря по правде, я не видел ничего ужасного. Но я вынужден был согласиться, что я не позволю положить ни одного слоя на мою крышу, не выровняв его по меньшей мере в пяти точках. Когда я спросил его, откуда он узнал секреты укладки кровельной плитки, Гидеон ответил, что он читал книги и смотрел видеокассету о методах кладки кровли всю вчерашнюю ночь. Как показал недавний ураган, моя крыша оказалась очень прочной.

Я стал учеником Гидеона случайно и только рос в своем мастерстве. Сначала нам нужно было уничтожить старую крышу, и за неделю, как я думал, кто-то должен был вывезти мусор на свалку. Я немного сэкономил. Пригласить мусорщика стоило очень дорого. Вместо этого я распилил старые бревна электропилой и сложил за гаражом поленницу. Она оказалась достаточно большой. Мы до сих пор не испытываем недостатка в дровах для жарки шишек-кебабов. Затем выяснилось, что один из тех, кто может говорить по-английски, должен постоянно находиться на площадке, чтобы договариваться с полицией, пожарными и строительными инспекторами. Как и многие жители Восточной Европы, я наивно полагал, что частная собственность при капитализме священна. Теперь я прекрасно понимаю, что это было нормативное идеологическое утверждение. Из бесед с полицейским и похожим на космонавта пожарным в полной экипировке, я узнал, что горящий строительный мусор — это преступление, но приготовление пищи на открытом огне, даже в варварски экзотической кирпичной яме, — нет. Поэтому я продолжил сжигать строительный мусор, всегда держа под рукой приспособления для готовки, гордо соответствуя описанию армянских торговцев семнадцатого века у Фернана Броделя: «упрямые, трезвые, отважные и деятельные горцы».

Тогда оказалось, что нельзя прикасаться к своему дому без письменного и очень дорогого разрешения от городского правления Уилмета. В СССР квартиры якобы принадлежали социалистическому государству, но оно было на-

столько занято своими заботами (следуя за идеологической преданностью своих подданных и т.д.), что с общественным жильем можно было делать почти все, что угодно. Моя московская соседка, Наталья Ивановна, заставила своего мужа пробить отверстие в шахту лифта, чтобы поместить в него заднюю сторону холодильника и выпускную трубу сушилки. Так они сэкономили пару квадратных метров своего коридора и наполнили лифт запахами сушившегося белья. В США все иначе — здесь нельзя менять даже кухонные шкафы без формального разрешения, потому что они крепятся к стенам и таким образом по закону становятся частью конструкции здания. Потом, разумеется, существуют всевозможные инструкции по сантехнике, чтобы гарантировать обоснованную соображениями здравого смысла монополию местного мастера, о которой средневековые гильдии могли только мечтать.

Я учусь делать чертежи

На третий день нашего великого разрушения пара местных бюрократов и полицейский пришли ко мне во двор и опечатали помещение красной пластиковой лентой. Следующие две недели я пытался добиться разрешения на снос, утилизацию мусора и общее строительство. Вскоре на опыте выяснилось, что, как и в России, большинство американских бюрократов — это в принципе хорошие люди со скучной рутинной работой. Прежде всего, они хотели видеть моего архитектора и проекты. Конечно, ни того, ни другого у меня не было. Я сел за компьютер и стал учиться делать чертежи. Гидеон нашел печального человека по имени Иосиф, который только что приехал из Украины, где он был главным архитектором на Донецком угольном комбинате. Он знал, как построить фабрику, но давно забыл, как делать чертежи. Его главное правило было квинтэссенцией всего советского: если руководство говорит, что нужно использовать сосновую доску номер 10, всегда нужно брать номер 12 или 14, а еще лучше — сделать из стали. Древесина может оказаться нестандартной, рабочие — пьяными, поэтому всегда необходимо принимать излишние меры безопасности, иначе в тюрьму угодит именно архитектор. Мы провели несколько дней в Уилметской публичной библиотеке, изучая американские законы о строительстве. Понятно, что Иосиф не знал английского, а я не знал технических терминов.

Затем я сделал необходимые покупки в *Office Max*, и мы потратили неделю, делая чертежи. Мой первый визит к местному строительному инспектору закончился почти катастрофой. Он скептически посмотрел на плод наших усилий: «Вы, конечно же, пользовались метрическую шкалу». С тяжелым сердцем я спросил его перед тем, как уйти: «Если вы хотите все в футах и дюймах, скажите хотя бы, сколько дюймов в этом проклятом футе?» Удивленный такой наглостью, он сказал: «Двенадцать. Двенадцать дюймов, а три фута — это один ярд».

На той неделе я рассказывал студентам об истоках цивилизации Междуречья. Я опустил голову и пробормотал: «Как вавилоняне!». Когда один из них спросил, кто это здесь вавилоняне, я довольно резко ответил: «Конечно, сэр, не вы. Ваша система мер», и вкратце рассказал ему о шестидесятиричной системе счета у ранних цивилизаций, еврейской зачарованности

числами и почему мы до сих пор делим день на двенадцать часов и шестьдесят минут, а не на десять часов и сто минут. Сидевшая за его спиной специалистка по обработке данных (иначе называемая секретаршей) сделала большие глаза и сказала: «Да вы настоящий профессор!» Она стала неоценимым союзником, положив мои чертежи и заявления на получение разрешения инспектору по электроэнергии на стул, а не на стол, где он мог бы отложить их в сторону, то есть туда, где он никак не мог их не заметить. Даже строительный инспектор, вздыхая, что он не обязан этого делать, внес в мои чертежи поправки относительно типа используемых материалов.

Мы превращаем наш дом в развалины

Но нам нужно было торопиться сделать дом пригодным для жилья. И мы сделали это меньше, чем за три месяца. Потом потребовалось еще около пяти месяцев, чтобы закончить отделочные работы. Тем не менее, в течение шести недель мы вынуждены были жить как беженцы в полуподвале с четырьмя гостями — антропологом из Краснодара, его женой и двумя детьми. У его жены, приехавшей из Абхазии, был некоторый опыт жизни в разрухе, и ее хорошее настроение нас спасало. Ибо наши аппетиты росли с каждым новым проектом. Если прибавить три спальни на новом втором этаже, то должна быть и ванная комната. Сделаем ее чуть просторней, чем обычно. С глубокой ванной. Я купил ее по договорной цене во время распродажи, поэтому ее так или иначе нужно было куда-то пристроить. Должен быть туалет. В каждой комнате. Возможно, два больших туалета в спальне хозяина. И три, нет, лучше пять световых люков на крыше — здесь, здесь и там.

Большая стеклянная дверь на балкон должна быть удобной. Она ведет на балкон шириной в десять футов и выдающийся вперед на пять футов. Нет, можно сделать и на шесть футов, до клена на заднем дворе. Шестидесяти квадратных футов должно было хватить для летнего кафе под деревом. Мы заканчиваем пустым пространством вокруг лестничной клетки перед тремя спальнями и ванной. Слишком много дверей. Нужно создать то, что визуальнo отвлечет внимание, — может аквариум в углу высотой в шесть футов? Тогда на чем он будет держаться? Сосновые доски мы подопрем брусками и поставим на них резервуар с рыбой. Инспектор предлагает дополнительную колонну посередине, чтобы связать стропила и предотвратить в дальнейшем провисание потолка. Замечательно: может, нам удастся украсить колонну под световым люком, выходящим на лестницу, цветами? Но у кого-нибудь из ребят появится соблазн сбросить цветочный горшок на голову брату, как только он заберется по лестнице — слишком уж уязвимое положение... Так шла тяжелая работа ума.

Другой важной причиной масштабной перестройки были наши ошибки. Главным образом по неопытности, хотя кто-то возложил бы ответственность на легкий доступ к кувалдам. Мои сыновья (теперь им десять и девять) без труда могли завладеть молотками и пользовались ими мастерски — ты бьешь по стене, и она рассыпается на части! Естественно, вскоре они проделали нешуточные дыры в стенах первого этажа, которые первоначально мы разрушать не намеревались. Потом, когда была снята старая крыша, а новая появилась только через месяц, шел дождь с порывистым ветром и градом.

Наши надежды на то, что большой брезент удержит воду, в буквальном смысле как ветром сдуло. Весь первый этаж залило. Еще одна куча мусора. Больше всего заслуживала кувалды «родная» ванная. Пять липких слоев линолеума на гнилом полу и фальшивая плитка на стенах, выкрашенная в салатный цвет. Однажды я понял, что нужно быть осторожным, когда используешь кувалду в полную силу: разбитая с большим трудом чугунная ванная разлетелась на острые осколки, причем некоторые из них попали и в меня.

После трех недель тяжелого труда мы превратили наш дом в то, что я видел в Чечне и Карабахе — одни внешние стены, как будто бомба пробила крышу, вынесла окна и двери, оставив повсюду кучи пыльной штукатурки. Тогда пришла старая миссис Снайдер и попросила нас это сфотографировать. Я извинился перед ней за то, что мы разрушили старый дом, который она заботливо прибрала перед тем, как продать его нам. «Да перестаньте вы», — ответила она, — «Я ненавидела этот дом. Ничего хорошего в моей жизни не происходило, когда я жила в нем».

Но разрушить его было страшно трудно. Фанерные перегородки ломались легко, чего нельзя сказать о перемычках. Восьмидюймовые болты насмерть держались в штукатурке стальными «бабочками». За исключением бетонного фундамента, косяков и внешних кирпичных стен, пространство внутри было построено по-дилетантски и скромно, без всяких излишеств. Но очень прочно: с большим запасом износостойкости, по словам Иосифа. Все было усеяно невероятным количеством гвоздей, винтов и шурупов. Чтобы увеличить оконные проемы, мы с Гидеоном попытались разрезать желтый силикатный кирпич специальной композитной пилой. Она сгорела за пару минут, оставив на поверхности лишь маленький надрез, а мы ослепли и задыхались от пыли. Затем я вспомнил, что древние резали камень, поливая пилу водой. Это было опасно — наша пила была электрической, но мы предприняли кое-какие меры безопасности, и в конечном итоге вырезали большие окна. Внутри для изоляции использовались старые газеты, так что в перерыве между разрушением окон и стен я мог присесть на кучу пыльной штукатурки, развернуть хрупкие страницы и почитать «Чикаго трибьюн» за сентябрь 1937 года или июль 1945 года. У археолога не возникло бы серьезных сложностей с датировкой этих развалин.

Но, должен признать, работали мы на славу. Мы вставали перед рассветом, чтобы использовать каждую секунду светового дня, и занимались тем, что, по сути, было конструктором «Лего» для взрослых. Здорово, когда все идет хорошо. Через двенадцать часов хочется только пива, бифштекса и беспробудного сна. Любопытно, как меняются вкусы со сменой занятия. Мне действительно не хотелось ни красного вина, ни сыра. В конечном итоге, я освоил основы плотницкого искусства (но малярного дела я так и не постиг — у меня всегда было плохо с размазыванием липких субстанций), а с остальным был знаком по крайней мере в теории. Я привык носить рабочие ботинки, брюки и пояс плотника. Однажды я увидел сверху двух чернокожих женщин (явно не афроамериканского, а почти наверняка африканского происхождения), внимательно рассматривавших мой задний двор. Оказалось, что они оказались родом с Ямайки и в прошлом были учительницами, а теперь — домохозяйками, проживавшими по соседству. Они попросили меня отпилить им несколько досок про запас. Та, что была постарше, спросила, кто хозяин дома. Когда я при-

знался, что дом принадлежит мне, она понимающе кивнула: «Так вы плотник и строите собственный дом. Понятно». Я пояснил, что действительно занимаюсь его строительством, но я не настоящий плотник и на самом деле работаю в местном университете. Она внимательно осмотрела мой внешний вид, сопоставила его с моими словами и, спустя какое-то время, сказала: «Вы хотите сказать, что вы никогда не были плотником, а на самом деле вы профессор? Тогда что у вас за акцент?» Признание, что я родом из Советского Союза, оказало удивительное воздействие. Заметно взволнованная, она повернулась к своей застенчивой спутнице и сказала: «Вот видишь, Глория, я тебе всегда говорила: при социализме люди совершенно иные!» Но я думал, что мной овладела типично мелкобуржуазная обывательская страсть — самоэксплуатация...

Да здравствует Интернационал домостроителей

В сущности, строительство дома близ Чикаго оказалось забавным и познавательным способом ознакомления с этническими стереотипами. Наша соседка, миссис Мюллер, хвалила меня за трудолюбие как заправского немца. На складе пиломатериалов два коренастых плотника — ассирийцы по национальности, братья, лет по пятьдесят — чуть не подрались, когда я попросил у них совета о том, как лучше сделать подпорки балкона. Один из них кричал на другого: «Саркис, заткнись! Я старше! И что ты советуешь армянскому брату? Ты позоришь всех ассирийцев!» На сегодняшний день в Чикаго самая высокая плотность ассирийского населения в мире; здесь есть даже улица короля Саргона в районе Девона. Но всех выходцев из бывшего СССР — армян, евреев, украинцев, литовцев — местные жители называют русскими. По иронии судьбы, советское стремление создать из наций новую наднациональную общность возторжествовало, по крайней мере на одно или два поколения, в диаспоре после падения самого СССР. Думаю, эта диаспора не похожа на остальные.

Для меня поистине многонациональным (или интернациональным, или безразличным к цвету кожи и т.д.) плавильным котлом стала субкультура домостроителей, проявившаяся в сети крупных магазинов, специализирующихся на продаже стройматериалов и оборудования по низким для Соединенных Штатов ценам, — *Home Depot*. Иногда я ходил туда по три раза на день. В конце концов, приходишь к пониманию, что все это довольно походит на клуб. В итоге ты уже знаком со всем персоналом ближайшего магазина (преимущественно бывшими строителями-эмигрантами, получившими документы на право работы и отдавшими предпочтение стабильной работе и фиксированной продолжительности рабочего дня) и по крайней мере половиной рядовых клиентов — всеми теми мелкими подрядчиками и любителями, которые, как и ты сам, при помощи самых различных ухищрений и самоэксплуатации пытаются сократить свои расходы.

Покупатели *Home Depot* — это главным образом нижние слои среднего класса, которые на самом деле и составляют американский рабочий класс. В крупных городах, наподобие Чикаго, эта страта невероятно разнообразна в этническом отношении, но хотя она и обладает общей классовой культурой, политизированное классовое сознание у нее отсутствует. Кажется, что эта культура преодолевает национальные, расовые и даже половые различия (да, в нее

входят и женщины), создавая ощущение схожести целей и общей солидарности, выражающееся в повсеместно распространенных дружеских шутках, советах, где купить лучший инструмент, или просто готовности помочь. Представьте иммигранта из Ганы, просящего филиппинца или англо-американца помочь ему достать с верхних полок тяжелые упаковки изолирующего материала, чернокожего подрядчика-американца, советующего белой американке, какую дверь ей выбрать, американца греческого происхождения, полчаса бьющегося над тем, чтобы научить меня установке ванной, кассиршу-латиноамериканку, которая помогает мне найти грузовик, хотя это не входит в ее обязанности, озорно подмигивающего араба, помогающего двум религиозным евреям вывезти из магазина тяжело нагруженную тележку (я знал, что он был палестинцем, а они, по всей видимости, нет) и так далее. Это дружелюбие и участие, конечно, во многом связано с тем, что в этом рыночном пространстве отсутствует острая конкуренция. Любители по определению не могут быть конкурентами друг другу – все они работают на разных работах, а подрядчики слишком малы и рассеяны в крупном городе, чтобы сталкиваться со значительной конкуренцией. (Хотя, по правде говоря, я делал свои наблюдения в то время, когда экономический цикл был на подъеме).

К тому же, строительство делится на этнически специализированные секторы, что также способствует уменьшению конкуренции. Такая специализация, по-видимому, возникает более или менее случайно, а затем со временем институционализируется в механизмах миграционной цепочки. К примеру, практически все вновь прибывшие из Румынии занимаются настилкой полов и малярным делом, переняв эстафету у тех, кто прибыли сюда раньше. Когда я искал инженера по отопительным системам, я за один день встретил троих советских евреев из Минска, причем всех их звали Семенами. Подрядчики советского происхождения обязательно встречаются по средам в полдень в определенном ресторане на севере Чикаго (для отдыха – выходные, а эти встречи – работа). Они много пьют, обмениваются информацией и клиентами. Итальянцы и ирландцы, как исторически лучше организованные общины, укрепили свои позиции в более высоко оплачиваемых сантехнических работах, где к ним теперь присоединились евреи, тогда как поляки работают преимущественно нелегально и независимо от профсоюза. Сикхи занимаются механикой. Белые американцы и некоторые афроамериканцы пользуются двойным преимуществом – гражданства и возможности профессионального обучения, зачастую благодаря службе в армии. Они занимают руководящие должности или же специализируются на облицовке плиткой, кирпичной кладке и электричестве. Бывшие крестьяне из Центральной Америки, напротив, занимаются садовым строительством, то есть косят траву и убирают листву, либо кровлей и другими малоквалифицированными работами, хотя зачастую над ними стоят белые американцы.

Отношения неравенства, конечно, возникают по той простой причине, что те, кто прибыли ранее, считают, что они вправе занимать лучшие позиции, чем вновь прибывшие, которые еще не узнали, почем фунта лиха. Но эти отношения имеют свою динамику, поскольку все, в конечном итоге, становятся старожилками и крошечные новые «фирмы» отпочковываются от старых. Еще одна причина расслабленности или патерналистского духа в строитель-

ных бригадах, по крайней мере в секторе домохозяйств, заключается в том, что, как правило, в них отсутствуют формальные механизмы трудовой дисциплины и исполнения правил. Единодушие достигается благодаря консенсусу и авторитету действующего лидера, который постоянно должен подтверждать свой статус, создавая новые рабочие места или работая больше других. (В действительности, многие партизанские группы на ранних этапах карабахской и чеченской войн сложились на основе уже имевшегося опыта самоорганизации при проведении строительных работ. Возможно, эта модель также имела сходство с боснийской, когда многие мужчины ездили работать в Германию). Такое социальное окружение, сформировавшееся в атмосфере любительства/ремесленничества, основанное на мелком товарном производстве или даже зачастую на нетоварном домашнем воспроизводстве и взаимопомощи, стоит в стороне от структур капитализма, хотя сверху современная Америка, конечно, пронизана капиталистическими отношениями и институтами. Перед нами прекрасная иллюстрация представления Броделя о том, что капитализм существует только на самых высоких ступенях обмена, когда прибыль достаточно высока, а давление конкуренции может в значительной степени сдерживаться путем использования политической или экономической власти.

Владельцы *Home Depot*, судя по недавним мемуарам двух его основателей, могут быть осведомлены о таком взаимодействии. На их счет следует отнести новаторское и систематическое приложение простых на вид принципов, которые позволили гигантской корпорации вырасти за короткое время в этой некапиталистической производственной обстановке. Вот лишь некоторые из них: сознательное сохранение оживленного и несколько хаотичного облика магазинов, напоминающего производственное помещение, склад или стройплощадку, а не сияющий универсам; наем бывших подрядчиков на должности продавцов и управляющих; разрешение почти неограниченного возврата материалов и инструментов, которые остались неиспользованными или оказались неподходящими (даже предлагают: «Пробуйте, не стесняйтесь — вы всегда можете это вернуть»); ослабление и сокрытие какого бы то ни было бюрократического управления; возможность поторговаться о цене остаточных материалов — «Скажите нам, что вы можете себе позволить, и мы посмотрим, сможем ли мы вам это продать». Менеджеры нижнего звена могут принимать решения о ценах в зависимости от ситуации, чего как раз и не доставало в советском планировании и советской армии. Таковы приятные стандартные методы управления, позволяющие создать круг преданных покупателей и избежать трудностей при прохождении остатков товаров через магазин. Но они действенны. Например, именно так я получил свою слегка потрескавшуюся входную дверь из дуба за треть от первоначальной цены и совет о том, как прикрыть трещины медью или — с большой скидкой — испанскую плитку для ванной и гранит для кухни. Парень, который помогал мне ее погрузить, оказался специалистом по укладке плитки. Большую часть дня он провел, «натаскивая» меня в подборе инструментов, растворах и методах укладывания плитки, и получил особое удовольствие от того, что ему удалось попрактиковаться в русском. В прошлом он был моряком, служившим во Вьетнаме.

Именно это зачастую упускают из виду, говоря об американском обществе. Привычное восприятие американцев — белый средний класс. Очень од-

нородный, санированный и одномерный, как еда в Макдональдсе. Эта стра-та действительно целиком является продуктом капитализма — эффективным, специализированным, функциональным. Разделение труда делает их одномерными (люди, безусловно, различаются между собой, но существование тенденции неоспоримо). Люди, слишком тесно связанные с выполнением узких задач, как правило, становятся скучными винтиками, даже если они водят «Лексус». Верхушка среднего класса в США может позволить себе не знать о том, что находится под капотом ее автомобилей, как полировать полы или куда поехать отдохнуть, — они могут нанять специалистов по всем вопросам. Принцип наименьшего сопротивления гласит, что если вам проще нанять работника, чем освоить новый навык, нужно его нанять и подумать о том, как в следующий раз заработать немного больше денег для другого такого случая. Все, что я описал выше, не соответствует этому тягостному зрелищу. Существует и другая Америка, возможно, много других; может быть, существует даже некапиталистическая Америка.

Итак, наш дом построен. Несколько слов о его роскоши — мрамор, гранит, испанская плитка (ее выложила Люба), двери из мореного дуба, подоконники, карнизы, световые люки, балкон. Я знаю каждый гвоздик. Остается заменить деревянный козырек над главным входом (у белок, живших на нем, были детеныши, так что какое-то время пришлось подождать) и поставить аквариум. Нужно больше богатства, чтобы скрыть наши просчеты. Я часто парковал грузовик на лужайке перед домом и вообще отвратительно обращался с ней разными другими способами. Лужайка погибла, и Люба заново засадила ее цветами. Мы стали отличаться от остальных домов, стоящих на нашей улице, но вскоре цветы начали появляться и перед ними.

И, конечно, флагшток. Возникли проблемы с идентичностью. Старый советский флаг? Экономно и красиво, но лучше обойтись без него. Новый/старый российский? Нет, к сожалению, слишком по-ельцински. Кубанских казаков? Я бы с радостью, если бы не скоты, маршировавшие под этим флагом в то время в моем родном городе. Друг из Еревана предложил флаг Нагорного Карабаха, так что я мог провозгласить свою собственность исторической территорией Армении (мы легко могли найти соответствующие факты в книгах по истории) и таким образом перестать выплачивать налоги. Но тогда нам пришлось бы научиться выживать в условиях блокады, как и самому Карабаху. Решение появилось, как и в большинстве политических тупиков, само собой. Мой младший сын Степан, как мы выяснили, экспроприировал старый московский флаг с фонарного столба на Кутузовском проспекте в Москве во время празднования 850-й годовщины города. С того времени он хранил его в кармане своего рюкзака. Флаг действительно превосходит: красное поле, а в центре — сцена убийства дракона Св. Георгием Победоносцем. По эстетическим соображениям и ассоциации с моим именем мы закончили поднятием флага Московии.

Вы увидите его, когда будете в наших краях.

Перевод с английского Артема Смирнова